

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

Евгений Алексеевич Капогузов¹, Роман Игоревич Чупин²

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, egenk@mail.ru

²Омский научный центр Сибирского отделения РАН, Омск, Россия, roman-chupin@ya.ru

Аннотация. *Введение:* Проблематика взаимосвязи между объективными показателями качества жизни, социальной напряженностью и протестной активностью является предметом академического дискурса в особенности с начала 2010-х годов. Вместе с тем, объективные характеристики данных взаимосвязей являются междисциплинарными и остаются малоизученными. В этой связи *цель статьи:* выявление взаимосвязи между качеством жизни и различными социально-демографическими характеристиками, влияющими на удовлетворенность граждан России, на основе данных Европейского социального исследования. *Методы:* множественный регрессионный анализ, кластерный анализ. *Результаты и выводы:* На основе анализа можем сделать вывод, что на удовлетворенность качеством жизни влияют микрофакторы и макрофакторы: уровень дохода, структура семьи (наличие детей), семейное положение, уровень здравоохранения, оценка здоровья и т.д. Но самая большая связь – между уровнем счастья респондента и удовлетворенностью качеством собственной жизни.

Ключевые слова: качество жизни, социальная напряженность, протестная активность, институциональный диссонанс

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31768 «Влияние общественно-политического дискурса изменений качества жизни на протестную активность населения».

Для цитирования: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Качество жизни, удовлетворенность и протестная активность: есть ли взаимосвязь? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-234-246>

Sociology Problems

Original article

QUALITY OF LIFE AND PROTEST ACTIVITY IN RUSSIAN CITIES: IS THERE A RELATIONSHIP?

Evgeny A. Kapoguzov¹, Roman I. Chupin²

¹Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia, egenk@mail.ru

²Omsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia, roman-chupin@ya.ru

Abstract. *Introduction:* The problem of the relationship between objective indicators of the quality of life, social tension and protest activity has been the subject of academic discourse, especially since the early 2010s. At the same time, the objective characteristics of these relationships are interdisciplinary and remain poorly understood. In this regard, *the purpose of the article* is to identify the relationship between the quality of life and various socio-demographic characteristics that affect the satisfaction of Russian citizens based on data from the European Social Survey. *Methods:* multiple regression analysis, cluster analysis. *Results and conclusions:* Upon completion of the study, we can conclude that satisfaction with the quality of life is influenced by microfactors and macrofactors. Satisfaction and how residents depend on many coefficients of factors: composition from all levels of chosen income, averages from respondents to the structure to evaluate families (having their own children), to assess from difficult marital status, health police, health confidence, etc. According to the relationship of health care between the quality of the level of happiness of one's respondent's happiness and the conclusion of satisfaction with the first quality one can see one's own other life.

Keywords: quality of life, social tension, protest activity, institutional dissonance

Financial Support: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project 21-011-31768 "The impact of socio-political discourse of changes in the quality of life on the protest activity of the population".

For citation: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Quality of life and protest activity in Russian cities: is there a relationship? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):234–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-234-246>

Введение

Проблемы воспринимаемой динамики качества жизни обострились в российском академическом и общественно-политическом дискурсе в период падения объективных показателей доходов населения после 2013 года. Несмотря на достаточную проработанность объективных критериев качества жизни в российских общественных науках, детализация параметров, комплексно характеризующих воспринимаемое благосостояние по-прежнему остается нерешенной проблемой. Так, согласно С.А. Айвазяну, максимально близким к операционализации (следовательно, к формированию эндогенных управленческих моделей) может являться подход, сочетающий использование как результатов измерений валидных статистических показателей в части параметров объекта, так и субъективных оценок самого объекта [1]. Данный подход также согласуется с исследованиями ООН в области качества жизни, в частности изложенными в работах Комиссии под руководством лауреатов премии имени Нобеля по экономике Джозефа Стиглица и Амартия Сена в части критики существующих показателей Системы национальных счетов (в частности ВВП) и важности применения более комплексных экономических показателей, в частности качества жизни [2].

Однако, несмотря на наличие множества объективных показателей, характеризующих качество жизни, позитивная динамика которых (в части улучшения общественной инфраструктуры, качества окружающей среды и др.) может не восприниматься в общественно-политическом дискурсе в случае недостаточной информированности населения и искажения дискурсивного порядка в информационном пространстве Интернет. В результате возникает эффект деградационной депрессии, когда воспроизводится дискурсивный нарратив – «все устойчиво плохо». Данные ухудшения отражаются на настроении всех слоев населения, что приводит к росту социальной напряженности [3], что влечет за собой усиление негативных эмоционально-психологических состояний населения и способствует росту протестных настроений, которые в России пока имеют преимущественно экономическую подоплеку [4].

Социальная напряженность¹ как «интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением» [5] характеризует динамику особого социального состояния части общества. Она имеет и измеряемый показатель напряженности – социальное самочувствие, определяемый как «субъективный показатель объективных жизненных условий личности, интегральная оценка человеком своего существования в социальном мире, детерминируемое в первую очередь социальными факторами» [6, с.40-41]; см. также [7] и измеряемый индексным методом. Наиболее популярным является индекс социальных настроений ВЦИОМ, который базируется на таких показателях как: „удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны“².

Содержательно социальная напряженность имеет уровневую составляющую, в частности рассматривается нормальный и пониженный уровень. Согласно подходу Кинсбургского и Топалова, «механизмом трансформации социальной напряженности в массовые акции протеста может быть представлен следующим образом: Социальное Недовольство + Потенциал Протеста = Массовые Действия Протеста [8, с. 21]. Причины для массового протеста могут иметь субъективный характер [9], а природа политических протестов может быть не связана с рейтингами политиков и политических партий [10]. Вместе с тем, объективной основой социального недовольства выступает изменение удовлетворенности людей уровнем своего благосостояния,

¹ Сам термин в российском дискурсе восходит к работе В. Рукавишниковой, опубликованной в 1990 году в журнале «Диалог».

² <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya>

в частности, уровнем доходов. Как отмечается в работе Ранчи, в крупных европейских мегаполисах наиболее значимое влияние на уровень удовлетворенности оказывают именно доходы. [11]. Некоторые авторы отмечают, что представление о социальной напряженности является естественным условием функционирования города [12]. Эта идея опирается на классическую работу Айзингера, согласно которой рост социальной напряженности является результатом более открытой политической системы в городах, что создает условия для открытого выражения и распространения политических дебатов и протестов [13]. В частности, городские активисты, не нашедшие поддержку и понимание у муниципальных властей, получают почву для расширения социальной напряженности, в том числе через социальные сети и Youtube-каналы, и способствуют росту протестных действий. Такой тип протеста является частью политической культуры современных демократических обществ, и иногда даже не рассматривается как негативное общественное явление [14].

В свою очередь, методика оценки социальной напряженности была разработана НИЦ ФСО России в начале 2000-х годов, и вошла в академический дискурс после обострения протестных настроений. С использованием данного инструментария в 2010-2011 гг. было проведено исследование по выявлению факторов, определяющих социальную напряженность в России в целом и в отдельных регионах [15]. Это позволило предложить определенный набор показателей, характеризующих социальную напряженность (на федеральном уровне) и составить методологию и методику измерения социальной напряженности [16].

На первом этапе исследования проведен экспертный опрос, цель которого заключалась в выявлении факторов, оказывающих значимое влияние на социальную напряженность в России. Ключевыми факторами, представленными в исследовании НИЦ ФСО, отказывающимися наиболее значимое влияние на уровень социальной напряженности в городе, являются: уровень доходов на душу населения; рост цен; неудовлетворенность деятельностью местных органов власти; размер заработной платы; уровень преступности; уровень безработицы. В развитии данного подхода Г. Барановой был разработан концептуальный подход к анализу уже протестной активности и теми факторами, которые определяют непосредственно протестный потенциал общества, в частности в мегаполисах [17]. В свою очередь нами (в составе исследовательского коллектива) была в частности разработана методика оценки факторов социальной напряженности и проведена оценка их воздействия применительно к г. Омску [18].

Другим важным аспектом исследуемой проблемы применительно к воспринимаемому качеству жизни в российских мегаполисах является проблема институционального диссонанса [19]. При этом применительно к развитию мегаполисов и качеству жизни в городах можно выделить институциональный диссонанс трех типов дискурса: дискурса высокой урбанистики, оперирующего образом индустриального, модернистского города; дискурса левой урбанистики, акцентирующего внимание на социальных проблемах в городе; дискурса хипстерской урбанистики, актуализирующего запрос горожан на креативную экономику, современный дизайн публичных пространств, которые позволяют улучшить качество жизни [20]. Преобладание тех или иных типов дискурса может проводить к обострению как социальной напряженности и росту протестного потенциала, но и способствовать к центростремительным миграционным процессам, в результате чего «недовольные провинциалы» из депрессивных регионов усиливают социальную напряженность в мегаполисах-реципиентах [21, 22].

Еще одним значимым элементом исследования является воздействие социальных сетей, в частности видеохостингов на массовое сознание и на формирование протестного потенциала. Как показывается в экспериментальных исследованиях в сфере поведенческой экономики, социальные сети способствуют существенному снижению субъективного восприятия людьми качества собственной жизни [23]. В свою очередь, «кликбейтная ориентация» региональных СМИ приводит к формированию негативного образа положению дел. В целом цифровая трансформация приводит также к изменению объективных условий жизнедеятельности населения. В частности в литературе выделяется цифровая составляющая качества жизни [24], которая дополняет традиционные объективные критерии. С учетом глубокого погружения значительной части молодежи в «цифровой мир» с отличающимся от традиционных масс-медиа восприятием реальности и воздействием на массовое сознание «лидеров мнений» федерального уровня важным элементом исследования является анализ нарративов по позитивным и негативным элементам, представленным в социальных сетях и видеохостингах относительно

восприятия качества жизни [25]. Кроме того, применительно к политическим акциям протеста, как отмечает Э. Шульц: «Социальные сети – главный рупор и коммуникационная система мобилизации сторонников» [10, с. 320].

В свою очередь, положительная оценка жителями городов усилий местных органов власти связана с восприятием ими удовлетворенности жизнью в конкретном городе. В этой связи выявление взаимосвязи между измеряемыми статистически показателями уровня жизни и субъективным восприятием конкретных факторов, определяющих такое восприятие, является значимой исследовательской задачей. Исходя из этого **целью** исследования является выявление взаимосвязи между объективными показателями качества жизни, удовлетворенностью и протестной активностью на основе данных опросов, характеризующих объективные (измеряемые статистически) и субъективные параметры качества жизни.

Информационная база и методы

Для выявления взаимосвязи между объективными показателями качества жизни и протестной активностью необходимо провести анализ того, насколько на основе объективных критериев. В рамках поставленной проблемы для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить общую характеристику удовлетворённости качеством жизни населения России.
2. Выявить зависимость удовлетворенности качеством жизни жителей России от внутренних (микро) факторов, а также выяснить, на сколько удовлетворённость зависит от внешних (макро) факторов.
3. Выявить взаимосвязь между удовлетворенности качеством жизни и различными социально-демографическими характеристиками.

Наглядно операционализация признаков и показателей, в которых раскрываются эти задачи, представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Операционализация признаков

Table 1 – Operationalization of features

Признак	Показатель	Индикатор	Тип шкалы	Вопрос в базе
Удовлетворённость жизнью в целом	Степень удовлетворенности	Указание респондентом степени удовлетворенности качеством жизни в целом	Порядковая	<i>voztast</i>
	На сколько счастлив	Указание респондентом уровня своего счастья	Порядковая	<i>happy</i>
	Пол	Указание респондентом пола	Дихотомическая	<i>gndr</i>
	Возраст	Указание респондентом своего возраста	Порядковая	<i>agea</i>
Внутренние факторы, влияющие на удовлетворённость	Доход	Указание респондентом своего уровня дохода	Порядковая	<i>hinctnta</i>
	Семейное положение	Указание респондентом своего семейного положения	Порядковая	<i>maritalb</i>
	Наличие детей	Указание респондентом о наличии детей, которые живут вместе с ним	Дихотомическая	<i>chldhm</i>
	Образование	Указание респондентом ступени образования	Порядковая	<i>eduys</i>
	Здоровье	Оценка респондентом своего здоровья	Порядковая	<i>hlthhmp</i>
	Религия	Указание респондентом принадлежности к какой-либо религии	Номинальная	<i>rlgdnm</i>

Окончание табл. 1
End of Table 1

Внешние факторы, влияющие на удовлетворённость	Доверие Госдуме	Оценка доверия респондента Госдуме	Порядковая	<i>trstprl</i>
	Доверие политикам	Оценка доверия респондента политикам	Порядковая	<i>trstplt</i>
	Доверие полиции	Оценка доверия респондента полиции	Порядковая	<i>trstplc</i>
	Удовлетворенность здравоохранением	Оценка системы здравоохранения в стране	Порядковая	<i>stfhlth</i>
	Удовлетворенность образованием	Оценка системы образования в стране	Порядковая	<i>stfedu</i>
	Безопасность	Чувство безопасности	Порядковая	<i>aesfdrk</i>

Информационной базой послужили данные сравнительного исследования изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы (с 2006 г. России) – Европейского социального исследования (ESS). Материалы ESS уже рассматривались в ряде публикаций, в частности анализировались данные 4-й волны исследований [26] и последующие, при этом согласно выводу Андреевской: «особенностями изменений, происходящих в политических установках людей в России, является увеличение позитивных оценок работы политической системы в целом и рост доверия к государственным институтам» [27, с. 75]. Мы в рамках нашего анализа будем опираться на данные восьмой волны, которая в России было проведено Институтом сравнительных социальных исследований в октябре 2016-январе 2017 года (размер выборки составил 2430 чел.)¹. Рассмотрим, что показывают эти данные, сформулировав ряд задач в рамках цели исследования:

Результаты

Как отмечалось выше, всего в опросе участвовало 2430 респондентов. Из данных ESS мы отобрали только тех респондентов, которые на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» не ответили отказом, затруднением или оставили без ответа, т.к. они будут не нужны в анализе в дальнейшем.

Для выполнения 1 задачи, понадобятся 4 переменные: *stflife*, *happy*, *agea*, *gndr* – они нам помогут определить общую характеристику удовлетворённости качеством жизни населения России.

В отличие от многих других стран, где удовлетворенность жизнью мало связана с базовыми социально-демографическими показателями (пол и возраст), в России такая связь есть, хотя и не очень сильная. Наблюдается общее постепенное снижение удовлетворенности жизнью с возрастом.

Также для исследования интересно проследить связь удовлетворённости жизнью в целом и оценкой респондента своего уровня счастья. Можно отметить, что полностью удовлетворены своей жизнью те, кто отметил своё состояние как «очень счастлив» – 66 человек, 46,2%, так же и наоборот: кто по состоянию «очень несчастлив» отметили, что не удовлетворены совершенно – 23,6%. Большое кол-во респондентов (167 человек) находятся в среднем расположении – на «5» баллов они оценивают свою степень счастья и удовлетворенность качеством жизни. По табл. 2 можно сказать, что чем счастливее человек, тем больше у него удовлетворенность.

Можно сделать следующий вывод: с увеличением уровня счастья удовлетворённость жизнью также увеличивается.

¹ Европейское социальное исследование. 8-я волна. 2016 г. 2430 чел. URL: <http://ess.nsd.uib.no/ess/>

Таблица 2 – Взаимосвязь счастья и удовлетворенности

Table 2 – Relationship between happiness and satisfaction

		Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Насколько Вы счастливы?
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Корреляция Пирсона	1	,582**
	Знач. (двухсторонняя)		,000
	N	2380	2380
Насколько Вы счастливы?	Корреляция Пирсона	,582**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	
	N	2380	2380

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Для выполнения второй задачи исследования, нам понадобится частотные таблицы и корреляционный анализ, чтобы понять, какие переменные являются значимыми, а какие не связаны с удовлетворенностью.

«К какой группе по уровню дохода принадлежит Ваша семья?» Анализируя таблицу сопряженности, можем сделать такие выводы: респонденты, получающие в год менее 12 тыс. руб. (12,7% из всего кол-ва), которые совершенно не удовлетворены жизнью – 14 человек, это самое большое количество, по сравнению с другими группами доходов, полностью удовлетворенных – 9 человек, среднюю характеристику своей жизни дают 57 человек. Самими удовлетворенными себя считают респонденты с доходом 30 – 40 тыс. руб. Исходя из логических рассуждений, можно подумать, что самыми удовлетворенными будут люди с самым высоким достатком в 80 тыс. руб. и больше, но всего 5 человек из 88 считают себя таковыми, остальные респонденты с таким доходом оценивают свое качество жизни на «5» – «8» баллов. Следовательно, связь между уровнем дохода и удовлетворенностью существует.

«Официальное семейное положение». Из 4 групп респондентов, распределенных по семейному положению, самое большое количество совершенно не удовлетворенных своей жизнью – 26 человек (36,1% из всех не удовлетворенных), но также полностью удовлетворенными себя считают большее количество замужних/женатых людей (40,8% из всех). Большое количество всех респондентов, не зависимо от семейного положения, оценивают свою жизнь на «5» баллов, самое большое количество тех, кто состоит в браке – из 485 людей, удовлетворенных на среднем уровне, оказалось 215 человек (44,3%) ото всех. Связь между семейным положением и удовлетворенностью существует.

«Структура семьи». Можно заметить, что у респондентов, имеющих детей, удовлетворенность жизнью меньше, чем у тех, которые выбрали другой ответ (либо у них нет детей, либо они живут не с респондентом). Большинство респондентов оценивают свою удовлетворенность на «5» и «7» баллов, 153 и 145 человек соответственно. Связь между структурой семьи и удовлетворенностью существует.

«Образование». Самое большое количество респондентов получили Среднее профессиональное образование (810 человек), имеют законченное высшее образование по 5-6 летней системе (703). Также было 2 респондента, которые окончили 1-2 класса школы или вообще не учились, они оценивают свою удовлетворенность на «5» и «7» баллов. Есть 11 респондентов, имеющих научную степень, свою удовлетворенность они оценивают с «3» баллов и до «8» баллов. В целом, тенденция та же: в большинстве случаев респонденты оценивают свою жизнь на «5» баллов из 11.

«Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии?». Ответ «Полностью не удовлетворен» больше выбрали люди, которые относят себя к религии: 46 религиозных против 26 не причастных к религии респондентов, можно отметить, что религиозные респонденты менее удовлетворены жизнью, чем нерелигиозные. Максимальное количество ответов пришлось на «5» у людей, причастных к религии, что составляет 266 человек, а у тех, кто не относит себя к религии – 210 человек. Полностью удовлетворенных религиозных людей больше, чем не относящихся к религии (6,4% и 5,6% соответственно).

«Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?». Самое большое количество респондентов со «средним» здоровьем – 1167 человек, 266 из которых на «5» баллов удовлетворены своей жизнью. Люди, которые оценивают своё состояние здоровья как среднее (43 человека), полностью не удовлетворены своей жизнью, это количество наибольшее в этой характеристике, так же люди со «средним» здоровьем тоже больше всех полностью удовлетворены качеством своей жизни (61 человек). В итоге присутствует связь между здоровьем и удовлетворённостью.

Для выполнения третьей задачи исследования, нам так же понадобится частотные таблицы и корреляционный анализ, чтобы понять, какие переменные являются значимыми, а какие не связаны с удовлетворённостью.

1. «Насколько Вы лично доверяете Госдуме?» Респонденты, которые полностью удовлетворены своей жизнью – это в основном те, кто совершенно не доверяют Госдуме, либо доверяют на «5» баллов из 11. Также дела обстоят и с респондентами, которые совершенно не удовлетворены своей жизнью – 42,9% не доверяют Госдуме и 22,9% доверяют на «5». Небольшое количество людей, кто вообще полностью доверяют Госдуме – это всего 113 человек из всей генеральной совокупности.

Таблица 3 – Удовлетворенность и доверие Госдуме

Table 3 – Satisfaction and trust in the State Duma

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b6 Насколько Вы лично доверяете Госдуме
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,280**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2281
	b6 Насколько Вы лично доверяете Госдуме	Коэффициент корреляции	,280**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2281	2281

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к Госдуме удовлетворённость жизнью также увеличивается.

2. «Насколько Вы лично доверяете политикам?» Из всего количества наблюдений, полностью доверяют политикам только 2,6% (59 человек), абсолютно не доверяют 15,4% (351 человек). Также те, кто абсолютно не доверяют политикам, оценивают свою удовлетворённость жизнью гораздо выше, чем те, кто доверяют политикам. Наибольшее количество респондентов, кто на «средний» балл удовлетворены жизнью и политиками – 106 человек (табл. 4).

Таблица 4 – Удовлетворенность и доверие политикам

Table 4 – Satisfaction and trust to politicians

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b9 Насколько Вы лично доверяете политикам?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,274**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2272
	b9 Насколько Вы лично доверяете политикам?	Коэффициент корреляции	,274**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2272	2272

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к политикам удовлетворённость жизнью также увеличивается.

3. «Насколько Вы лично доверяете полиции?». Из всех респондентов, большая половина удовлетворена своей жизнью, максимальное значение – 480 человек ответили на «5» баллов из 11. Не доверяющих полиции намного больше, чем тех, кто полностью доверяет – 10,7% (248) против 5% (116) соответственно. Так же самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и доверие оцениваются на «5» баллов у 115 человек.

Таблица 5 – Удовлетворенность и доверие полиции

Table 5 – Satisfaction and trust to police

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b8 Насколько Вы лично доверяете полиции?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,320**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2314
	b8 Насколько Вы лично доверяете полиции?	Коэффициент корреляции	,320**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2314	2314

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к полиции удовлетворенность жизнью также увеличивается.

На вопрос «Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?» в основном респонденты отвечают, что в стране не очень хорошее образование. Как «очень плохое» оценивают 151 респондент, а как очень хорошее – 48 человек, самый усредненный ответ в «5» баллов ответило 444 респондента. Самое наибольшее количество недовольных образованием это те, кто совершенно не удовлетворен жизнью (46,8% из всех, кто не удовлетворен жизнью). Также самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и оценка оцениваются на «5» баллов у 122 человек.

Таблица 6 – Удовлетворенность и система образования

Table 6 – Satisfaction and the education system

			Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?
Ро Спирмана	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,328**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2266
	Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?	Коэффициент корреляции	,328**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2266	2266

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с улучшением состояния системы образования, удовлетворенность жизнью также увеличивается.

На вопрос «Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы здравоохранения в нашей стране?» очень небольшое количество респондентов оценивают состояние здравоохранения как «очень хорошее» – всего 0,9% из всех респондентов, «очень плохим» систему здравоохранения считают 227 человек (9,7%). Также большое кол-во человек, считающих систему здравоохранения

охранения очень плохой (57 человек), оценивают удовлетворенность на «5» баллов из 11. Также самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и оценка системы здравоохранения оцениваются на «5» баллов у 115 человек.

Таблица 7 – Удовлетворенность и система здравоохранения

Table 7 – Satisfaction and the health care system

			b27 Насколько Вы удовле- творены своей жиз- нью в целом?	b32 Как Вы оцени- ваете нынешнее состояние системы здраво- охранения в нашей стране?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,323**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2338
	b32 Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы здравоохране- ния в нашей стране?	Коэффициент корреляции	,323**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2338	2338

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с улучшением состояния системы здравоохранения, удовлетворенность жизнью также увеличивается.

4. «Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в Вашем районе после наступления темноты?». Анализируя таблицу, можно сделать вывод, что в относительной безопасности себя ощущает большая часть опрошенных – 53,7% из 100%. Респонденты, которые чувствуют себя совсем небезопасно почти в равной доле полностью удовлетворены и совсем не удовлетворены своей жизнью – 5 и 4 респондента соответственно. Наибольшее количество ответов, которые выбирали респонденты пересеклись у 265 людей, которые удовлетворены своей жизнью на «5» баллов из 11 и они чувствуют себя в относительно безопасности на улице при наступлении темноты.

Таблица 8 – Удовлетворенность безопасностью

Table 8 – Satisfaction of public security

			Насколько Вы удовле- творены своей жиз- нью в целом?	Насколько Вы чувствуете себя в безопас- ности в Вашем районе после наступления темноты?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены сво- ей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	-,171**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2350
	с6 Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в Вашем районе после наступления темноты?	Коэффициент корреляции	-,171**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2350	2350

Можно сделать следующий вывод: с изменением чувства безопасности, удовлетворённость жизнью уменьшается.

Заключение

Несмотря на уже достаточную изученность как механизмов возникновения социальных протестов, так и их причин и последствий, возникновение новых факторов, таких как развитие «новых медиа», распространение социальных сетей и др. стимулируют исследовательский интерес. Кроме того, с 2020 года в российском обществе, как и в мире в целом, появился еще один фактор для усиления социальной напряженности и формирования протестного потенциала – коронакризис, который приводил к крайней форме – «коронапсихозу». [28]. В этом плане очевидно, что доступные релевантные статистические данные, если ими конечно сложно манипулировать, могут служить объективной основой для формирования общественного мнения, позволяющего снизить протестный потенциал и улучшить социальное самочувствие.

Как нами было показано в ходе анализа данных восьмой волны сравнительного исследования изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы, взаимосвязь между удовлетворенностью и качеством жизни включает как субъективные, так и объективные детерминанты. Множественность параметров качества жизни (уровень дохода, социально-демографические характеристики респондентов) дополнялись отношением к системам образования и здравоохранения, полиции и политической системы. Между тем то, что наиболее сильная взаимосвязь проявлялась между двумя экзистенциальными субъективным воспринимаемыми параметрами – счастьем и удовлетворенностью, демонстрирует значимость правильной подачи позитивной информации. Тем самым ответ на вопрос, поставленный в названии статьи, не является однозначным. И во многом существующие детерминанты протестной активности объясняются политическим триггерами и находятся вне объективной картины с качеством жизни, фиксируемыми данными как официальной статистики, так и репрезентативными опросами, отражающими субъективное восприятие россиянами ситуации.

Список источников

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. ЦЭМИ РАН. М: Наука, 2012. 432 с.
2. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 216 с.
3. Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Автореф. дис.... канд. социол. наук. М., 2002.
4. Латов Ю. В. Призрак "революционной ситуации": протестные действия и протестные настроения современных россиян // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 36–51.
5. Тучков Е. В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования: дис. канд. социолог. наук. Орел : б.н., 2000. С. 134.
6. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
7. Черникова И.А., Родимушкина О.В. Протестная активность и протестный потенциал в субъектах Российской Федерации // *Социальная политика и социология*. 2016. Т. 15. № 5(118). С. 157–165.
8. Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 1(13). С. 20–34.
9. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
10. Шульц Э. Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 3. С. 312–328.
11. Ranci, C. Competitiveness and social cohesion in Western European cities. In *Urban Studies*, 13 (48), 2011, pp.2789-2804.
12. Netto, V. M. *The social fabric of cities*. Routledge, 2016.
13. Eisinger, P. K. The conditions of protest behavior in American cities. In: *American political science review*, no. 1 (67), 1973, pp. 11-28.
14. Оболонский А. В. Народ, власти и полиция: уличные протесты в США // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 109–125.

15. Баранова Г. В., Фролов В. А., Кондрашин А. В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. 2011. № 6 (326). С. 48–55.
16. Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3 (335). С. 50–65.
17. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10 (342). С. 143–152.
18. Kapoguzov E. A., Chupin R. I., Kharlamova M. S., Pligunova A. V. Social Tension Factors: Estimation and Analysis Issues (Case Study: the City of Omsk) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 4. P. 517–528.
19. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 36 с.
20. Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 165–175.
21. Печёркина И.Ф. Детерминанты протестных настроений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 86–97.
22. Глотов В.И., Бахтизин А.Р., Волкова М.И Социальная напряженность в субъектах Российской Федерации Анализ причин и последствий // Федерализм. 2019. № 4(96). С. 142–160.
23. Шмаков А.В. Изменение субъективного восприятия качества жизни под воздействием социальных сетей / В сборнике: Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории. Сборник докладов секционных заседаний. 2020. С. 137–138.
24. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 3. С. 53–71.
25. Антошин В. А., Антошин А. В., Колесникова К. И. Протестный потенциал и протестная активность современной российской молодежи: ценностные доминанты, динамика и тенденции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 93–101.
26. Пинкевич А. Г. Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных Европейского социального исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. №1. С. 150–169.
27. Андреевкова А.В. Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002-2016 гг. // Социологические исследования. 2018. № 10 (414). С. 66–76.
28. Попов В. В., Бычков П. И., Дорофеев Д. В. Проблемы социальной напряженности в условиях пандемий, коронавируса и изоляции. Уроки и опыт по их преодолению // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 3.

References

1. Ayvazyan S. A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskii podkhod [*Analysis of the quality and lifestyle of the population: an econometric approach*]. CEMI RAN. Moscow: Nauka. 2012. 432 p. (in Russ.)
2. Stiglitz D., Sen A., Fitussi Zh.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeyet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. [*Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission for Measuring Economic Performance and Social Progress.*] Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2015. 216 p. (in Russ.)
3. Pirogov I. V. Sotsial'naya napryazhonost': teoriya, metodologiya i metody izmereniya [*Social tension: theory, methodology and methods of measurement*]: Avtoref. dis.... kand. sotsiol. nauk. Moscow; 2002 (in Russ.)
4. Latov Yu. V. Prizrak "revolyutsionnoy situatsii": protestnyye deystviya i protestnyye nastroyeniya sovremennykh rossiyan [Phantom of the "revolutionary situation": protest actions and protest moods of modern Russians]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [*Social sciences and modernity*]. 2017;(2): 36–51. (in Russ.)
5. Tuchkov Ye. V. Sotsial'naya napryazhennost' v regionakh tsentra Rossii: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya [*Social tension in the regions of the center of Russia: mechanisms of diagnostics and regulation: dis. cand. sociological sciences*]: dis. kand. sotsiolog.nauk. Orel; 2000. (in Russ.)

6. *Social well-being of the population in the context of reforms: regional aspect*. M.K. Gorshkov (ed.) Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2011. (in Russ.)
7. Chernikova I. A., Rodimushkina O. V. Protestnaya aktivnost' i protestnyy potentsial v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Protest activity and protest potential in the subjects of the Russian Federation] *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social policy and sociology]*. 2016;15(5(118)):157–165 (in Russ.)
8. Kinsburskiy A. V., Topalov M. N. Sotsial'naya napryazhonnost' i massovyye aktsii protesta (k voprosu o mekhanizme deystviya) [Social tension and mass protests (on the issue of the mechanism of action)]. *Sociological science and social practice*. 2016; (1):20–34. (in Russ.)
9. Gurr T. R. *Pochemu lyudi buntuyut [Why Men Rebel]*. St. Petersburg: Piter, 2005. (in Russ.)
10. Shults E. E. Protest in Russia 2017–2021: Technologies and Patterns. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(3):312–328. (in Russ.)
11. Ranci C. Competitiveness and social cohesion in Western European cities. In: *Urban Studies*, 2011; 13(48):2789–2804.
12. Netto V. M. *The social fabric of cities*. Routledge, 2016.
13. Eisinger P. K. The conditions of protest behavior in American cities. *American political science review*. 1973; no. 1 (67), pp. 11–28.
14. Obolonskiy A.V. () *Narod, vlasti i policija: ulichnye protesty v SShA [People, authorities and police: Street protests in the USA]*. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 2013;(4):109–115 (in Russ.)
15. Baranova G. V., Frolov V. A., Kondrashin A. V. Osobennosti sotsial'noy napryazhennosti v regionakh Rossii [Features of social tension in the regions of Russia]. *Sociological research*. 2011; 6 (326):48–55. (in Russ.)
16. Baranova G. V., Frolov V. A. Metodologiya i metodika izmereniya sotsial'noy napryazhennosti [Methodology and methodology for measuring social tension]. *Sociological research*. 2012;3 (335):50–65. (in Russ.)
17. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii [Methods of analysis of the protest activity of the Russian population]. *Sociological research*. 2012;10 (342):143–152. (in Russ.)
18. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S., Pligunova A.V. Social Tension Factors: Estimation and Analysis Issues (Case Study: the City of Omsk). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020;13(4):517–528. (in Russ.)
19. Kirdina-Chandler S. G. () *Mezouroven': novyy vzglyad na ekonomiku?: Nauchnyy doklad. [Me-solevel: a new look at the economy?: Scientific report]*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2017. 36 p. (in Russ.)
20. Kapoguzov E. A., Ovodova S. N., Chupin R. I. Dominiruyushchiye kontsepty blagoustroystva sibirskogo goroda: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v gorode Omske [Dominant concepts of beautification of the Siberian city: the experience of sociological research in the city of Omsk]. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*. 2020;5(2):165–175. (in Russ.)
21. Pecherkina I. F. Determinanty protestnykh nastroyeniy [Determinants of Protest Moods]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya. [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]*. 2017;3(4):86–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-86-9 (in Russ.)
22. Glotov V. I., Bakhtizin A. R., Volkova M. I. Sotsial'naya napryazhennost' v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii Analiz prichin i posledstviy [Social tension in the subjects of the Russian Federation Analysis of causes and consequences]. *Federalism*. 2019;4(96):142–160. (in Russ.)
23. Shmakov A.V. Izmeneniye sub'yektivnogo vospriyatiya kachestva zhizni pod vozdeystviyem sotsial'nykh setey [Changing the subjective perception of the quality of life under the influence of social networks] In: *Proceedings of the IX All-Russian Symposium on Economic Theory. Collection of reports of section meetings*. 2020. P. 137–138 (in Russian)
24. Litvintseva G. P., Karelin I. N. Effekty tsifrovoy transformatsii ekonomiki i kachestva zhizni naseleniya v Rossii [Effects of digital transformation of the economy and the quality of life of the population in Russia]. *Terra Economicus*. 2020;18(3):53–71 (in Russ.)
25. Antoshin V. A., Antoshin A. V., Kolesnikova K. I. Protestnyy potentsial i protestnaya aktivnost' sovremennoy rossiyskoy molodezhi: tsennostnyye dominanty, dinamika i tendentsii [Protest potential and protest activity of modern Russian youth: value dominants, dynamics and trends]. *Alma mater (Bulletin of Higher School)*. 2021;(12):93–101. (in Russ.)

26. Pinkevich F. The Promises of Social Tension Research using Russian Data from the European Social Survey. *Mir Rossii*. 2015;24(1):150–169 (in Russ.)

27. Andreyenkova A.V. Stabil'nost' i izmeneniya sotsial'nykh ustanovok rossiyan i yevropeytsev v 2002-2016 g.g.[Stability and changes in social attitudes of Russians and Europeans in 2002-2016]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya = Sociological research*. 2018;10(414):66–76. (in Russ.)

28. Popov V. V., Bychkov P. I., Dorofeyev D. V. Problemy sotsial'noy napryazhennosti v usloviyakh pandemiy, koronavirusa i izolyatsii. Uroki i opyt po ikh preodoleniyu [Problems of social tension in the context of pandemics, coronavirus and isolation. Lessons and experience in overcoming them]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2021;12(3). (in Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Капогузов – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;

Р. И. Чупин – канд. социол. наук, науч. сотр. Омского научного центра Сибирского отделения РАН.

Information about the authors

E. A. Kapoguzov – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and World Economy of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky;

R. I. Chupin – Candidate of Sociological Sciences, Researcher of Omsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 21.05.2022; принята к публикации 22.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 21.05.2022; accepted for publication 22.05.2022.